

Цуй Мин был мёртв.

Он испустил дух в тёмной сырости казённого склада — тихо, беззвучно, не успев издать ни единого стога.

А ведь всего месяц назад он удостоился высочайшей похвалы от самого императора и в один миг возвысился из безвестного чиновника ничтожного восьмого ранга до великого мужа Чэнъань — солидного чина шестого ранга.

В день его повышения весь дом ликовал. Коллеги наперебой шли с поздравлениями, а старая матушка Цуй, не помня себя от счастья, зарезала последнюю курицу-несушку, чтобы накрыть для гостей достойный стол. Когда хмельное веселье утихло и близкие разошлись, Цуй Мин, слегка нетрезвый и нежно обнимающий жену за плечи, стоял у окна. Они прижимались друг к другу, любуясь чистым серебром восшедшей луны.

Цуй Мин ласково коснулся губами её ушка и прошептал:

— Все эти годы ты лишь терпела со мной нужду. Но Его Величество — государь истинно мудрый, теперь наша жизнь пойдёт на лад. Обещаю тебе и матушке: я расшибусь в лепёшку, но сделаю всё, чтобы вы ни в чём не знали отказа.

Госпожа Цуй-Дун, залившись краской, мягко отстранилась:

— Ну что за глупости ты говоришь? Совсем голову хмелем затуманило.

Но Цуй Мин лишь преданно и нежно посмотрел на неё. В его глазах отражалась вся россыпь ночных звёзд:

— Пусть я и пьян, но каждое моё слово идёт от самого сердца.

Она прикусила губу, пряча застенчивую, но безгранично счастливую улыбку, и тихонько склонила голову ему на плечо. Но затем сладкие грёзы внезапно сменились глухой тоской. Прижав ладонь к животу, она с грустным вздохом произнесла:

— Если моё чрево так и останется бесплодным... Быть может, пока в доме завелись хоть какие-то деньги, мне стоит присмотреть для тебя смышлёную служанку? Род Цуй не должен пресечься на тебе.

Цуй Мин помрачнел и мягко, но настойчиво прервал её:

— Жена моя.

Поражённая его внезапной строгостью, она подняла взор:

— Я слушаю тебя.

Цуй Мин обхватил её плечи ладонями, заставляя смотреть прямо ему в глаза:

— Моё сердце принадлежит только тебе, и так будет до гробовой доски. В те годы ты не побоялась моей нищеты, рассорилась с родным отцом и мачехой, лишь бы уехать со мной из далекого Чунчжоу сюда, в Кайфэн. Как же я могу упрекать тебя за отсутствие детей? Да я скорее через пару лет возьму сироту на воспитание, чем соглашусь ввести в дом наложницу. Запомни: ты моя единственная супруга, и другой мне не нужно.

От этих слов у госпожи Цуй-Дун защипало в носу. Горячие слёзы подступили к глазам, а щёки опалило жаром смущения. Она шутливо ударила мужа по плечу, собираясь велеть ему замолчать и не смущать её пуще прежнего, но сорвавшиеся с губ слова прозвучали совсем иначе, наполнив ночную прохладу невыразимой нежностью:

— И я... я тоже тебя люблю.

Прежняя бедность никогда не казалась ей непосильным бременем. Но и теперь, когда муж возвысился сразу на три ранга, она не ощутила долгожданного облегчения. В глубине души угнездилась смутная, липкая тревога. Ей не давала покоя мысль, что это нежданное счастье, обрушившееся на них после какого-то сомнительного отбора, подобно воздушному замку — стоит дунуть ветерку, и всё разлетится в прах.

Увы, её дурное предчувствие оправдалось с ужасающей точностью.

Невероятная удача, показавшаяся манной небесной, в мгновение ока обернулась крошечным адом.

Всего через месяц молодой, полный надежд книжник, клявшийся соткать для матери и жены жизнь из шёлка и золота, умер. Скоропостижно, страшно и совершенно необъяснимо.

Едва обнаружили тело, на место происшествия вихрем примчались стражники. Они оцепили склад, спешно погрузили труп и увезли его в управу Кайфэна. С тех пор покойного Цуй Мина никто не видел. Не прошло и четверти часа, как на складе объявился сам судья правого военного патруля, ведавший всеми уголовными делами столицы — невиданная для него поспешность! При разборе дела судебные чины нагло пренебрегли обязательными стадиями следствия: не было ни предварительного следствия — туйцзюй, ни детального судебного дознания — цзяньдуань, ни заключительного освидетельствования — каньцзе. Смерть торопливо объявили самоубийством. Но самое поразительное заключалось в другом: за этот жалкий отрезок времени судья умудрился составить и полностью переписать весь обвинительный свиток вместе с окончательным приговором. Оставалось лишь наложить на бумаги печать управы Кайфэна, чтобы навсегда похоронить правду под ворохом официальной

лжи.

Меньше получаса — и дело закрыто?!

Весть о том, что её муж якобы добровольно свёл счёты с жизнью, прогремела для госпожи Цуй-Дун громом среди ясного неба. Разум её помутился от горя, а свекровь и вовсе лишилась чувств. Тяжесть целого мира безжалостно рухнула на хрупкие женские плечи. Превозмогая дурноту, молодая вдова заставила себя действовать: наспех вызвала лекаря, сунула ему в руку заветные монеты, поручила беспамятную старуху заботам соседей и со всех ног бросилась к управе Кайфэна.

Там её ждал новый удар: приговор уже скрепил своей подписью сам правитель Кайфэна. Дело Цуй Мина официально считалось закрытым.

Госпожу Цуй-Дун охватил первобытный ужас. С какой стати её муж стал бы накладывать на себя руки? Он не мог этого сделать!

Простому люду не след тягаться с чиновниками — эту истину в Поднебесной знал каждый младенец, знала её и госпожа Цуй-Дун. Но как смириться, когда твоего любимого человека хладнокровно лишили жизни, а тело спрятали под замок? Не веря своим ушам, она упала на колени перед воротами управы и, обливаясь слезами, принялась молить о справедливости. В ответ её лишь грубо погнали прочь.

Понимая, что силой ничего не добиться, она в отчаянии уцепилась за рукав проходившего мимо стражника и взмолилась хотя бы о теле покойного мужа, чтобы предать его земле как подобает.

Но её слова почему-то привели стражу в ярость. Не говоря ни слова, несчастную поволокли внутрь управы, в самый глухой и безлюдный угол двора. Там её уже ждали несколько дюжих молодцов с тяжёлыми дубинками. Без лишних объяснений на женщину обрушился град безжалостных ударов. Её били методично, страшно, затыкая рот, пока крики о помощи не превратились в едва различимый хрип. Лишь когда госпожа Цуй-Дун затихла, балансируя на грани жизни и смерти, экзекуцию прекратили. Окровавленное тело, словно мешок с тряпьем, вытащили за ворота управы и швырнули на пыльную мостовую.

Она долго лежала без чувств. Лишь к закату, когда небо окрасилось в багровые тона, к избитой до полусмерти вдове мало-помалу вернулось сознание. Подумав о больной свекрови, госпожа Цуй-Дун, превозмогая адскую боль в растерзанной спине, потащилась домой, оставляя на дороге кровавые следы.

Не успела она дойти до угла своего переулочка, как навстречу ей выбежала бледная соседка. Она запричитала, что после ухода невестки лекарь осмотрел старуху Цуй, назвал причиной беспамятства безутешное горе, выписал снадобье и ушёл. Соседка бросилась в аптекарскую лавку за травами, но когда вернулась, в доме всё было перевёрнуто вверх дном, а постель оказалась пуста — матушка Цуй исчезла без следа.

В глазах госпожи Цуй-Дун потемнело. Земля ушла у неё из-под ног, она слепо замахала руками в воздухе и устояла лишь потому, что привалилась к холодной глинобитной стене. Забыв о собственной боли, она бросилась искать свекровь.

Добросердечная соседка позвала на помощь мужа, а тот созвал братьев. С факелами они прочесали все окрестные закоулки. Лишь глубокой ночью в заброшенном колодце неподалёку от их двора отыскали тело матушки Цуй. Вода уже успела размыть черты её лица, а кожа мертвечины зловеще побелела.

Госпожа Цуй-Дун рухнула на колени, прижала к себе осклизлое тело свекрови и кричала до тех пор, пока не лишилась чувств. Очнувшись далеко за полночь, израненная, едва живая женщина наотрез отказалась от дальнейшей помощи испуганных соседей. Проявив упрямство обречённой, она на последние гроши наняла уличную тачку, уложила на неё тело несчастной старухи и одна, пошатываясь от слабости, покатила её сквозь ночную темень к своему дому.

Но не успела она свернуть в родной переулок, как ночное небо перед ней озарилось яростным алым заревом.

Дом горел!

Глядя на бушующее пламя, пожирающее её скромное жилище, вдова задрожала всем телом — не то от ночной прохлады, не то от душившего её гнева и смертного ужаса. Издалека доносились крики сбежавшихся на пожар соседей, таскавших вёдра с водой, но она даже не посмела приблизиться к толпе.

«Это был не случайный пожар. Их семью выжигали под корень, заматаывая следы! Кто же этот безжалостный зверь в человеческом обличье, решивший истребить их всех до единого?!»

После той страшной ночи госпожа Цуй-Дун бесследно исчезла, затаившись в трущобах. Ей было неизвестно, чья незримая рука направляет убийц, но разум подсказывал: враг её облечён такой властью, какую простая женщина не могла себе даже вообразить.

Обычно обиженный простолюдин шёл искать защиты в присутственные места, а жителям столицы и вовсе было проще — управа Кайфэна находилась под боком. Но её саму в этой самой управе забили палками едва не до смерти и выбросили на съедение собакам. Разве могла она сунуться туда вновь?

Дни, проведённые в сырых углах столичных трущоб, тянулись для вдовы невыносимо долго, и эта пытка безысходностью была страшнее самого яростного пламени. Безднадёжность калечила душу куда сильнее, чем судейские батоги — израненное тело.

Палачи в управе били её наотмашь, желая прикончить на месте. Переломанные кости и глубокие раны на спине гноились, не успевая затягиваться, а бесконечные удары судьбы лишали последних сил. Госпожа Цуй-Дун угасала на глазах. Порой ей безумно хотелось

поддаться этой слабости и уйти вслед за мужем, но лютая обида и жажда возмездия удерживали её на этом свете.

Она не имела права умирать!

Она давно разорвала связи с роднёй, а у покойного мужа не осталось близких друзей. Если она закроет глаза навсегда, ужасная тайна гибели её семьи навеки упокоится вместе с ней в безвестной могиле.

Но почему?! С какой стати?!

Почему те, кого она любила больше жизни, должны сгнить в земле, забытые всеми, пока убийцы празднуют победу и наслаждаются почестями? Эта мысль жгла её душу калёным железом.

Для одинокой, больной женщины, потерявшей мужа и дом и вынужденной ежеминутно озираться в страхе перед невидимыми преследователями, каждый вдох давался с нечеловеческим трудом. Жизнь превратилась в пытку. И всё же эта слабая, хрупкая женщина нашла в себе силы выстоять. Она упрямо цеплялась за ускользающую жизнь, веря: пока она дышит, надежда жива.

Цуй Мин свято верил в справедливость Небес — значит, уверует и она. Перед смертью он каждый день твердил, что нынешний император — государь праведный и милосердный. А раз так, то Его Величество непременно выслушает её и покарает злодеев.

Госпожа Цуй-Дун решила во что бы то ни стало подать прошение самому императору. Но как это сделать, если ей приходится прятаться в канавах, боясь поднять глаза на прохожих? Великий государь восседает на золотом троне в неприступном дворце. Золотые крыши императорского города видны из любого переулка Кайфэна, но для бесправной нищенки это расстояние было непреодолимой пропастью. У неё не было ни единой возможности пробиться к чертогам владыки Поднебесной.

И тут до её слуха долетели досужие разговоры горожан. На каждом углу Кайфэна обсуждали предстоящую свадьбу младшего призера Ли — Ли Сюньхуаня. Сплетники смаковали малейшие подробности: одни утверждали, что его чин был пожалован лично государем, другие таинственно шептали, будто сам император соизволил составить этот брачный союз. Все сходились в одном: Ли Сюньхуань купается в лучах небывалой монаршей милости.

В угасшем взоре вдовы впервые за долгие дни вспыхнула слабая искра надежды.

Выведав день свадебного торжества, она зубами прокусила палец и, преодолевая боль, вывела на лоскуте белой ткани те немногие иероглифы, что знала с детства. Бережно спрятав окровавленную жалобу за пазуху, она загодя прокралась к перекрёстку, через который должен был проследовать свадебный кортеж, и затаилась в тени. Бросаясь под копыта коня Ли

Сюньхуаня, она ни секунды не думала о спасении собственной жизни. Ей было всё равно, растопчет её скакун или нет — лишь бы её предсмертное письмо оказалось в руках высокородного чиновника, способного передать его императору.

Этой свадьбе так и не суждено было состояться.

Выслушав сбивчивый, полный отчаяния рассказ несчастной женщины, Ли Сюньхуань, ведомый обострённым чувством долга, без колебаний оставил невесту в паланкине. Он подхватил истощённую, облачённую в траурные лохмотья госпожу Цуй-Дун, усадил её в седло впереди себя и, бросив на ходу несколько коротких указаний ошеломлённым слугам, пустил коня в галоп по направлению к дворцу.

Иного выбора у него не было.

Бракосочетание младшего призёра Ли, устроенное по высочайшему указу, всколыхнуло всю столицу. Если слова вдовы подтвердятся, то убийцы её мужа уже наверняка прознали, что свидетельница спаслась и ищет заступничества. Чтобы сберечь её жизнь, Ли Сюньхуань дорожил каждой секундой. Забыв о приличиях и не думая о кривотолках, которые вызовет его побег с чужой женщиной на глазах у толпы, он мчал сквозь шумные улицы Кайфэна.

Поездка оказалась на удивление быстрой и беспрепятственной. Миновав городские кварталы, они осадили взмыленного коня у Правых боковых ворот. Стражники приняли донесение, и вскоре прибывший евнух велел им следовать за ним вглубь запретных чертогов.

Госпожа Цуй-Дун не верила собственным глазам: то, что казалось ей непреодолимым препятствием, разрешилось в одно мгновение. Опасаясь, что всё происходящее лишь сладкий сон, за которым неминуемо последует пробуждение в сыром подвале, она то и дело исподтишка щипала себя за предплечье. Лишь когда кожа покрылась багровыми синяками, вдова наконец поверила в реальность происходящего.

Евнух довёл их до величественного Зала Гражданской Добродетели. Помня строгие наставления провожатого, госпожа Цуй-Дун сделала несколько робких шагов по начищенным плитам пола и упала ниц, уткнувшись лбом в холодный камень.

— Ничтожная раба Цуй-Дун бьёт челом Его Величеству, — прошептала она дрожащим от волнения голосом.

Сердце её колотилось о рёбра с бешеной силой, дыхание перехватило. В благоговейном страхе она ждала, когда заговорит тот, чьё слово правит судьбами миллионов в Великой Сун. Вскоре над её головой раздался чистый, удивительно молодой мужской голос:

— Встань. Избавь себя от лишних церемоний.

Она поспешно поднялась на ноги, по-прежнему не смея поднять глаз. Весь её мир сузился до узора на мысках собственных туфель; вдова до судорог боялась совершить оплошность и прогневать повелителя.

— Полно тебе, подними голову, — мягко произнёс Чжао Цзи. — У Нас у самого шея затекла, пока Мы смотрели на твою макушку. Сяо Тунцзи прибежал взмыленный, толком ничего объяснить не смог. Рассказывай сама, без утайки — что у вас стряслось?

Госпожа Цуй-Дун замерла в нерешительности. С одной стороны — повеление императора, с другой — строжайший запрет евнухов не дерзать взирать на драконий лик. Она медлила, её движения сделались скованными, точно у деревянной куклы. Стоявший поодаль Сяо Тунцзи едва не исходил на говно от досады — дерзкая баба смела заставлять Его Величество ждать!

Однако государь, которого во дворце почитали человеком непредсказуемым и скорым на расправу, не выказал и тени раздражения при виде неловкости простой просительницы. Чжао Цзи терпеливо молчал, давая ей время справиться со страхом.

Госпожа Цуй-Дун сделала глубокий вдох и медленно, преодолевая дрожь, подняла взор. Её глаза встретились с глазами владыки Поднебесной. Тот оказался совсем не похож на суровых старцев, какими обычно изображали правителей на старинных свитках. Молодой, поразительно красивый мужчина смотрел на неё с высоты своего трона, и эта изысканная красота ничуть не умаляла исходящего от него величия. Его взгляд, устремлённый на несчастную вдову, дышал искренним сочувствием.

Поняв её безмолвное смятение, император едва заметно улыбнулся уголками губ. Этот едва уловимый жест подействовал на испуганную женщину лучше любых заверений. Последние сомнения растаяли без следа.

«Мой муж был прав... — подумала она с облегчением. — Наш император — истинно великодушный правитель. Он поможет нам докопаться до истины».

С трудом сдерживая рвущиеся наружу рыдания, госпожа Цуй-Дун принялась рассказывать свою печальную повесть. Она говорила долго, путаясь в датах, но передавая каждую страшную деталь со всей искренностью раненого сердца. Лишь закончив говорить, она почувствовала, что её лицо промокро насквозь — слёзы непрерывным потоком катились по ввалившимся щекам.

Выслушав вдову до конца, Чжао Цзи жестом велел Сяо Тунцзи принести свиток с жалобой, написанной кровью. Император бегло просмотрел неровные строчки. Хотя женщина знала мало иероглифов, её врождённый ум позволил ей составить прошение на редкость чётко и ясно, без привычной для чиновников витиеватой чепухи.

Свернув окровавленную ткань, Чжао Цзи холодно приказал стоявшему у дверей слуге:

— Приведите к Нам судью правого военного патруля.

Не прошло и четверти часа, как у дверей зала раздался почтительный голос евнуха:

— Государь, судья правого военного патруля управы Кайфэна ожидает дозволения войти!

<http://bllate.org/book/18987/1902819>